

Граф-путешественник

Владимир Малахов выступил в «Жизели» Большого театра

Анна ГОРДЕЕВА,
для «Новых Известий»

Главная характеристика танца Малахова — мягкость. Главные черты его характера — доброжелательность, душевная ясность. При этом мягкость рук и стоп лишь подчеркивает филигранную точность их работы, а иллюзия беспечности и незащищенности, возникающая из-за детской улыбки, остается лишь иллюзией, скрывающей адскую сосредоточенность на работе. Ученик знаменитого московского педагога Петра Пестова, начинавший в театре «Классический балет» Касаткиной и Василева и отправившийся десять лет назад покорять мир, успешно этот мир покорил (премьерство в American ballet theatre, в Вене и Штутгарте) и на пике своей карьеры заехал на два спектакля в Москву. Говорят, в первый день до спектакля его видели шедшим пешком из театра в отель. Вечером ему явно этого сделать не удалось — поклонники с горящими взорами караулили у служебного входа, готовые нести на руках.

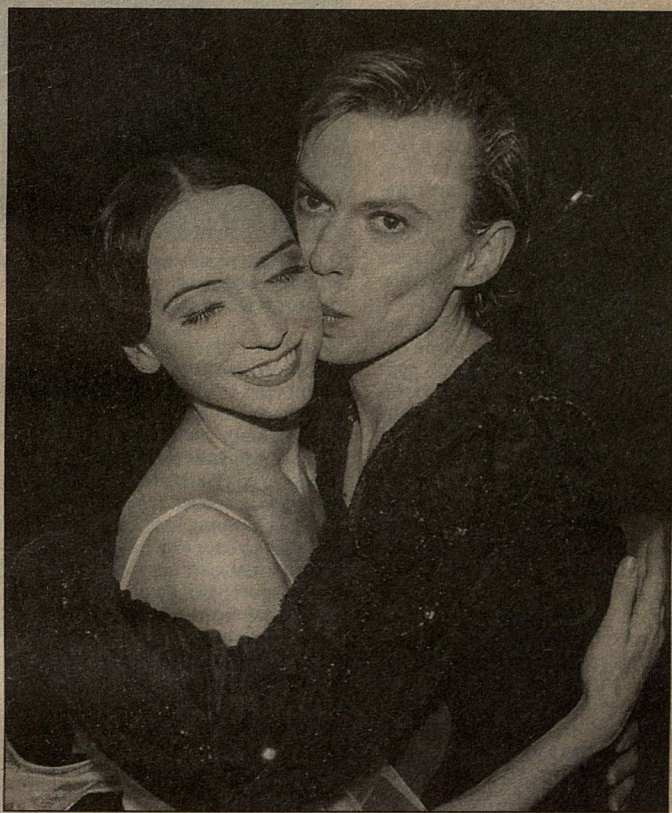
В фанатский восторг складывалось восхищение природой, сотворившей совершенный организм для балета (еще на приемных экзаменах в МАХУ на мягкость стоп и идеальную выворотность Малахова сбежались посмотреть все учителя), восхищение мастерством учителя (у Петра Пестова практически не было неудачников среди выпускников — у него занимались, в частности Цискаридзе и Ратманский) и, главное, восхищение осмысленностью личной работы Малахова.

Роль продумана до мелочей, пригнана кирпичик к кирпичику. Все детали вертятся, играют, работают. И вспоминаются после

спектакля прежде всего детали — осторожный взгляд в сторону Жизели, когда граф Альберт целует руку официальной невесте; выброшенный из финала васьиловской редакции круг торжествующих прыжков, вместо него — несколько отшатывающихся шагов от могилы и просыпающиеся сквозь пальцы, как жизнь, цветы... Но все мелочи собраны в дивной стройности картинку спектакля.

Юный граф Альберт у Малахова слегка устал от жизни. Устал не физически, а душевно, заранее устал: мальчишеская улыбка сочетается с той неутомительной надменностью, что дается личным опытом и поколениями благородных предков. В начале спектакля Жизель (Светлана Лунькина) для этого графа — забавная зверушка, на которую он смотрит ласково и с любопытством (затащила в круг крестьянского танца... что еще вытворит?... гадает по ромашке... и всерьез в это верит?). Он не желает зла крестьянской девушке, этот граф Альберт, в его снисходительности — оттенок учительства, но он просто знает, что его жизнь не только его жизнь, но и будущий обязательный портрет в фамильной галерее. Он ощущает себя внутри времени. Относится к себе с легкой иронией. И — как оказывается в трактовке Малахова — трагедия происходит из-за того, что для Жизели-то все всерьез, жизнь одна, любовь одна, и ирония невозможна.

Но вот что важно: в роли Малахова нет слома. Сумасшествие и смерть Жизели — потрясение для него, но потрясение это не меняет героя кардинально, а лишь открывает его. Оказывается, что все было — и душевное родство (недаром граф — Малахов ужасается мгновенно, раньше всех по-

Светлана Лунькина млеет в объятиях графа Альберта.

няя, что происходит с девушкой), и ощущение единственности вот именно этого человека в его единственной жизни. И отбрасываются этикет, привычки, воспитание. Весь второй акт на грани истерики, Альберт Малахова пластически «кричит», забыв про хорошие манеры. И «крик» этот тем более поражает воображение, что выражен он на безупречном классическом языке.

В зале не раз вспыхивали апло-

дисменты — и в дуэтах, когда Малахов оказывался идеально чутким партнером, и в хрустально блистающих вариациях, а во время коды, когда Малахов летел по диагонали и его стопы мелькали в бризе с невероятной точностью, в зале началось просто тихое помешательство. Когда после спектакля в толпе пронесся слух, что в этом сезоне Малахов придет еще на «Сильфиду», счастья балетоманов не было конца.